

Живет в Екатеринбурге (Россия).

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Тот самый миг, когда боязнь

перерождается в болезнь
всегда печален и неясен,
хотя, по своему, полезен.

И сходишь ты с дневной дороги,
чтобы торить ночную смену,
где не поймёт тебя здоровый,
как до него не понял смелый.

А по губам твоим, как трактор,
прёт слово, немоту сгребая,
оно нелепо и абстрактно,
как дружба грибника с грибами.

В контексте же незримой клетки,
куда ты угодил за прутья,
оно прекрасно и конкретно,
как в парке тихая запруда.

Его ты будешь петь тарелкам
или шептать в ушко иголкам,
но слушатель услышит: «Welcome»,
когда ты вдруг завоешь волком.

И в этот спелый вой запаян,
ты запасёшь себя на зиму
и не уцепишься за память,
проваливаясь в амнезию.

* * *

Куда-то исчезает вся решимость
судьбу перекроить на новый крой,
когда под щётки траурным нажимом
из дёсен льётся утренняя кровь.

И ты, от гнёта влажного давленья
стремясь освободиться поскорей,
сам у себя выходишь из доверья,
как из закрытых наглухо дверей,

не успевая даже удивиться
что в хватке коридоровых клешней
скрипение обычной половицы
насилья половецкого страшней.

Как будто пьяный дворник двухметровый,
освоивший немало злых метод,
огромной металлической метлою
твой тротуарный мозг вовсю метёт.

Ты движешься, хромая по хоромам
автобусных гниющих животов
и каждому знакомому Харону
пугливо отвечаешь: «Не готов».

И ослепленный темнотой ребристой,
спускаешься в корявую кровать,
где простынь тихо ждёт тебя, как пристань,
к которой не пристало приставать.

Но и смирясь с сей фабулою жалкой,
качая головою, как ковыль,
не выбьешь ни под пыткой, ни под палкой
из снов ковровых золотую пыль.

И засыпая – тяжело, не сразу –
уйти готовясь в праведный разнос,
услышишь вдруг напутственную фразу,
пока её никто не произнёс.

* * *

Смешно работать под прикрытьем
под одеяловым нытьём,
но слово, ставшее событьем,
перестаёт быть забытьём.

И загораются зарницы
в ночи дырявой и сплошной,
в неё вдвигая свет зернистый,
как будто ящик выдвижной.

Но целит речь уже в висок и
пытается хоть как-нибудь
высказыванием высоким
от низкой правды ускользнуть.

И крошится души облатка,
пока сама она, легка,
не возвращается обратно
за кучевые облака.

И вновь, вертлявый, словно нерпа,
в воде, глубокой, как нора,
язык не достигает неба,
упёршись в нёбо до утра.

Страница автора в сети